

Е. В. МАРКАСОВА

### **Предисловие к Житию Корнилия Выговского и традиция создания предисловий в агиографии XVII—начала XVIII в.**

Проблема разграничения авторского и жанрового при чтении древнерусского текста актуальна и для литературоведа, и для лингвиста, и для историка, причем общие места уже давно оцениваются лишь как фон для того оригинального содержания, ради поиска которого исследователь берется за изучение какого-либо древнего текста. Именно начало текста, т. е. предисловие, дает определенную установку читателю или слушателю, подводя его к осознанию «исходной точки». «Структурирующую роль начала создала вся позднейшая традиция риторики. Когда риторика вместе с ее достижениями была отброшена, оказалась перечеркнута и вся проблематика структуры начала высказывания».<sup>1</sup> XVII век, время изменения агиографической традиции, в дальнейшем поддерживаемой старообрядчеством, ознаменовался освоением и изучением риторик, большей частью переводных. В связи с этим возникают следующие вопросы: были ли предисловия постоянным элементом текста; можно ли считать предисловие обязательным атрибутом «украшенного» текста, имеет ли смысл учитывать предисловие как отдельную единицу при описании текста; какими представлениями о «должном» и «недолжном» руководствовался книжник, создавая житие.

Традиция исследования предисловия как отдельной значимой части произведения не сформировалась, хотя на эту тему обратили внимание еще В. О. Ключевский, В. Н. Перетц, Н. И. Серебрянский, Ф. И. Титов и др.<sup>2</sup> Исследований, посвященных сравнительному анализу структуры предисловий, пока явно недостаточно, чтобы жестко разграничивать традиционное и индивидуально-авторское в построении предисловия.<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Майенова М. Р. Теория текста и традиционные проблемы поэтики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 432.

<sup>2</sup> Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 1. С. 139—158; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. М., 1915; Титов Ф. И. Типография Киево-Печерской Лавры: Исторический очерк. Приложения. Киев, 1918.

<sup>3</sup> Ср.: Мельников П. И. Символическая структура предисловия к повести о Петре и Февронии Ермолая-Еразма // Историческая стилистика. Петрозаводск, 1996. С. 97—103; Тематика и стилистика предисловий и послесловий: Русская старопечатная литература XVI—I-я четв. XVIII в. М., 1981. Кн. 1.

Необязательность предисловия в самих житийных текстах обусловила необязательность включения их описаний в описание житий. Так, например, в монографии Л. А. Дмитриева,<sup>4</sup> насыщенной информацией о фактографичности житийного текста, указания на наличие или отсутствие предисловий включены в описания текстов, т. е. считаются релевантным признаком. В «Словаре книжников и книжности Древней Руси» XVII в.<sup>5</sup> из 26 статей, посвященных собственно житиям, 19 не содержат сведений о предисловиях. В исследовании О. В. Творогова<sup>6</sup> проанализирован агиографический репертуар русской книжности, представленный списками до XIV—XV вв. Как показывают материалы, приведенные в работе, поиск зависимости между наличием или отсутствием предисловия и переводным/непереводным характером текста не приводит к обобщениям.

Особое внимание уделяется данному предмету в монографии Н. И. Серебрянского,<sup>7</sup> где предисловия оцениваются как один из значимых признаков разновидностей (списков и редакций) текстов. Выделяется корпус текстов, у которых отсутствие предисловий — постоянный признак; текстов, приобретших предисловия в более поздних редакциях или, напротив, их утративших; текстов, имеющих разные предисловия в разных редакциях. Из сделанных учеными описаний очевидно, что не существует специальной закреплённости: ранний текст — без предисловия; поздний — с предисловием; черновой (простой) вариант текста — без предисловия; обработанный текст — с предисловием. Постоянство текста не означало постоянства предисловия. Все сказанное характерно и для XVII в. В Житии Галактиона Вологодского (XVII в.) (РНБ, F.I.774), как считает В. О. Ключевский,<sup>8</sup> предисловие составлено по 2-й редакции Жития Макария Желтоводского. В Житии Григория Пельшемского (кон. XV—нач. XVI в.) 1-я редакция с предисловием (но есть ее списки, где предисловия нет), 2-я редакция без предисловия (РНБ, Соф. собр., № 1470). В Житии Дионисия Глушицкого (кон. XV—нач. XVI в.) (РНБ, F.I.774) предисловие риторически усложнено. В Житии Павла Обнорского (кон. XIV—нач. XV в.) (РНБ, F.I.774) основной вид пространной редакции с вступлением. Житие Артемия Веркольского (1-я редакция — примерно 1618 г., 2-я редакция — 1649 г.) (РНБ, Солов. собр., № 994/1103), Житие Адриана Пошехонского (1-я редакция — XVI в.) (РНБ, Погод., № 861; РНБ, Q.I.1355), Житие Иоанна Московского юродивого (сер. XVII в.) (РНБ, собр. Титова, № 1498 (185)), Житие Варлаама Хутынского (РНБ, Соф. собр., № 1529; № 1469; F.I.730), Житие Дмитрия Прилуцкого (XVI—XVII вв.) (РНБ, Солов. собр., № 518/537)<sup>9</sup> встречаются и с предисловиями, и без предисловий.

Тексты предисловий весьма условно могут быть разделены на следующие группы:

1. Краткие, строго функциональные предисловия, содержащие определение темы и обращение к слушателям.

Так в списке Жития святого Андрея Христа ради юродивого Царегородского: «Жизнь богоугодну и житие непорочно мужа добронравна, о, возлюбленнии, хошу исповедати. Приклоните ушеса ваша, на послушание

<sup>4</sup> Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973.

<sup>5</sup> Словарь книжников. Вып. 3, ч. 1. С. 326—395.

<sup>6</sup> Творогов О. В. Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв. (Статья вторая: Памятники агиографии) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 196—225.

<sup>7</sup> Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития.

<sup>8</sup> Ключевский В. О. Древнерусские жития... С. 324—325.

<sup>9</sup> Там же. С. 344—345. Предисловие, как считает В. О. Ключевский, можно считать подражанием предисловию к Житию митрополита Алексея.

есть бо сия повесть...».<sup>10</sup> Такие предисловия в самом тексте не объявляются как предисловия. Подобное предисловие с указанием автора и места, где прославился святой, есть в 1-й редакции Жития Адриана Пошехонского.<sup>11</sup>

2. Предисловия, содержащие богословские рассуждения и лишь в финальной части обращающие внимание слушателей (читателей) на непосредственную тему. Таково, например, предисловие к Житию Артемия Веркольского: «Иже прежде всех сыи и всякая за всех подобает, истинному ведати Богу. Отец безначаленъ и неисписан. Вся уединяя и содержа, ни рождень, ни созданы, безконечен и безсмертенъ, превеченъ творецъ небу и земли, видимъ же всем и невидимъ. Сие же единородный слово Божие...».<sup>12</sup> Иногда такие предисловия содержат рассуждения о благодетии и истории человеческого рода от Адама, формулу самоуничтожения, уверения в истинности сказанного.

3. Предисловия, содержащие формулу самоуничтожения, объяснение причин, которые побудили автора составить текст, обращение к читателю (для пользы чтения, с просьбой быть снисходительнее), объявление темы (Житие святого). Подобное — в предисловиях к житиям Антония Сийского<sup>13</sup> и Григория Пельшемского.<sup>14</sup> Порядок изложения может варьироваться.

4. Предисловия, содержащие похвалу святому, как в Житии Адриана Пошехонского (РНБ, Q.I.1355), Житии Корнилия Комельского (РНБ, F.I.774), Повести о житии благоверного князя Федора Иоановича (БАН, 17.2.5). Иногда предисловия такого типа завершаются формулой, объясняющей создание текста как необходимость.

Конечно, схематичные представления о структуре предисловий, их сводимость к трем компонентам (обращение к читателю, рассуждение о значении чтения, пояснение о предлагаемом сочинении) не характеризуют специфику текста. На основании этих классификаций мы можем получить общие сведения о содержании предисловий, но не о содержании самого жития. Это, безусловно, внешняя, схоластическая классификация, не выполняющая прогнозирующей функции. Видимо, важно не столько наличие этих (или других) компонентов, а количественное соотношение разных частей предисловий, специфика мотивации их включения в текст. Все компоненты предисловий могут быть как изолированы друг от друга, так и объединены логическими связями. Поиск возможных закономерностей в построении текста предисловий к житиям заставляет обратиться к их описаниям в риториках, популярных в XVII—начале XVIII в.

Описание предисловий содержат почти все известные риторики: Риторика Макария (1620 г.);<sup>15</sup> Риторика Михаила Усачева (1699 г.); Риторика Софрония Лихуда (1698 г.);<sup>16</sup> Риторика Раймунда Луллия (Андрея Белобокского) (примерно 1690 г.);<sup>17</sup> «Риторическая рука» Стефана Яворского (1705 г.), а также гомилетика Иоанникия Галятковского (1659 г.).<sup>18</sup>

<sup>10</sup> РНБ, ОЛДП, F.I.137, л. 135.

<sup>11</sup> РНБ, Погод., № 861.

<sup>12</sup> РНБ, ОЛДП, F.I.137, л. 95.

<sup>13</sup> РНБ, Солов. собр., № 994/1103.

<sup>14</sup> РНБ, F.I.774.

<sup>15</sup> Lachmann R. Die Makarij-Rhetoric // Rhetorica slavica. Köln, 1980. О проблеме атрибуции текста см.: Аннушкин В. И., Буланина Т. В. Макарий // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 2. С. 317—321.

<sup>16</sup> РНБ, Погод., № 1659. В этой рукописи содержатся выписки из разных риторик (Риторика Софрония Лихуда, Раймунда Луллия, Козьмы), выполненные в выговском скриптории Димитрием Ерофеевым; см.: Поньрко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 154—162.

<sup>17</sup> РНБ, Погод., № 1659.

<sup>18</sup> Иоаникий Галятковский. Ключ разумения. Киев, 1985.

Общеизвестно прикладное значение риторик, которые не только переводились и переписывались, но и служили учебниками при создании текстов.<sup>19</sup> В «Риторике Макария» предисловие — это самостоятельная часть произведения, его начало, состоящее из трех частей, одна из которых нужна для привлечения слушателей, две других — для краткого изложения темы («Что хошем глаголати»). Предисловие должно быть «ясно, кратко и разумно». Неистинным предисловием называется «объявление», содержание которого подробно не описывается.

«Наука, албо способъ зложенья казаня» Иоанникия Галятковского называет предисловие «приступом», который знаменует «пропозицию» автора: «Кто хочет казанье учинити, наиперше мает положить зъ писма святого фему, которая есть фундаментомъ всего казаня, бо ведлугъ фемы мусит ся поведати все казанье, в которомъ найдутся тры части. Першая часть ексордиум, початокъ, в котором казнюдея (проповедник. — Е. М.) приступъ чынить до самой речи, которую маеть поведати, и ознаимуетъ людемъ пропозицию свою, постановление умыслу своего, що постановить и умыслить на казанью мовити и показати, о чымъ хочет казанье мети и просить Бга албо пречстую дбу о помочь и людеи о слуханье. <...> Тыи все части мают ся згажати зъ фемою, бо якъ зъ малого жродла выходит великая река, еднакъ вода въ реце згожається зъ тоею водою, которая есть въ жродле, такъ зъ малои фемы великое походить казанье...».<sup>20</sup>

Таким образом, цитата из «писма святого» (рассчитанного на грамотного читателя) является семантическим инвариантом, который впоследствии должен детализироваться и расшифровываться в тексте, произносимом вслух.

В Риторике Софрония Лихуда предисловия описаны более подробно, так как «предисловие — вход слова яко преддверие прилично быти должн» (Л. 113). Именно поэтому оно не может быть заменено кратким объявлением темы. Существуют два основных типа предисловий: «для нужды» и «для украшения речи». Первый тип может быть, как сказано в риторике, «дробным», т. е. «от рода в вид сходящим», или наоборот. Предисловия «для нужды» в большой степени обусловлены реальной ситуацией, что ярко выражено в их классификации: «от разумения» — учитывается настроение слушателей; «от времени» — речь начинается с описания какого-либо достопамятного случая; «от избилства» — излагается история, ассоциативно связанная с конкретной темой; «от подразделения» — предисловие делится на части, являя собою композиционно завершенное сочинение.

Предисловие «от подразделения» — это, по существу, промежуточная форма между предисловием «для нужды» и «для украшения речи», которые здесь трудно отличить друг от друга. В Риторике Софрония Лихуда есть их общая классификация (независимо от принадлежности к двум указанным типам), где указаны 6 классов. Однако последовательность их описания («первое место держат...», «второе место держат...») не совсем понятна. Отнесение к определенному типу зависит от объема предисловия, возможности его включения только в конкретный текст или уместности в любом тексте. Любопытны краткие описания предисловий «не из

<sup>19</sup> Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911; Понырко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси. XVII в. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 104—113. Мы сознательно не обсуждаем здесь проблемы текстологического соотношения русских риторик с иноязычными оригиналами, более актуальные в ином контексте.

<sup>20</sup> Иоанникий Галятковский. Ключ разуминя. С. 211.

онья вещи изъятых» (третий тип) и «противу правилом», благодаря которым из любого «неблагоучена мужа» можно сделать внимательного слушателя путем «подлога».

Предисловие — «в царския палаты пресветлыя преддверия» (Л. 118), поэтому должно обладать строгой структурой и мыслится как самостоятельное построение (текст в тексте), предваряющее текст и поясняющее его содержание: это «свеща паляща и светяща». Всего существует 4 части предисловия: «изложение» — слово, вещь являющее; «слово» — «причина, повод для речи»; «отдание» — «соплетение изложения и слова»; «известование» — «причина отдания». Допускается изъятие некоторых частей (каких именно, автор не указывает).<sup>21</sup>

Таким образом, принципы его построения и функции в Риториках Софрония Лихуда и Макария различны.

Указания не относятся исключительно к житиям, они касаются любого рода словесного творчества.

В «Риторической руке» Стефана Яворского<sup>22</sup> также указывается на необходимость составления предисловия. В переводе Федора Поликарпова, видимо, хорошо знакомом старообрядцам, описаны два варианта: смысл первого не совсем ясен («приступ, приличный слову»), второй — «содержаще похвалу творца» — более понятен. Однако трудно сказать, являются ли выдержки из «Риторической руки» в известном нам списке самостоятельным переводом или цитированием переводов Федора Поликарпова, поэтому толковать содержащийся в рукописи текст мы пока не можем.

В Риторике Раймунда Луллия (Андрея Белобоцкого<sup>23</sup>), частично включенной в выговские риторик, в отличие от Риторик Софрония Лихуда, в основном описаны предисловия к проповеди. В начале речи нужно «положить тему», взятую «с писма святого сиречь из Библии», причем все части проповеди должны быть согласованы с ее началом. Здесь к предисловию предъявляются следующие требования:

— выбор языковых средств зависит от уровня грамотности слушателей («о начатку поучения». Л. 263 об.);

— цитаты включаются «не без порядку», «из чужих поучений или взятые из книг»;

— «слово» начинают, употребляя «хитрость риторическую», «о многих вещах под одним родом или видом с твоей положенных»;

— всякая тема достойна толкования, поэтому предисловие нужно поделить на части, дабы не упустить ни одну из тем, о которых пойдет речь в тексте;

— лучше начинать без толкования самой темы, повествуя о ветхозаветной истории от символов, эмблем, и только если слушатель к такому предисловию не готов, можно говорить о мирском;

— поскольку предисловие — самая сложная часть любой речи, «искуснии советуют риторове начало после всех частей творити, аще и на первом месте слова или беседы всякие полагается».

<sup>21</sup> Софроний Лихуд приводит пример предисловия: «О, римляне, вси весте, колика зла карфагенити величества ради даней страждут» — «изложение». «Ни же бо вещь сия мала есть, яко скрытиса может» — «слово». «Вы же, о, римляне, славы ради своя и похвалы имени вашего, подобает Вамъ даения бедным умалити» — «отдание». «Да не понудятся толлика злоподучия искусити, яко и сыны, яже раждают, в вечное пленение продати» — «известование».

<sup>22</sup> БАН, собр. Дружинина, № 122/153.

<sup>23</sup> См.: Горфункель А. Х. Андрей Белобоцкий — поэт и философ XVII—начала XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 188—213; Suchanek L. Jan Andrzej Białoński i Barok Rosyjski // Polacy w życiu kulturalnym Rosji. Wrocław, 1986. S. 9—20.

Материалом для нашего исследования послужило Житие Корнилия Выговского, первоначальника Выговской поморской пустыни (известно около 80 списков). Первая редакция была составлена Пахомием, келейником Корнилия, в 1723 (1727) г., вторая редакция создана Трифоном Петровым (1660—1766),<sup>24</sup> одним из лучших учеников братьев Денисовых, в Выговской поморской пустыни. Автор стремился «переписать» 1-ю, пахомиевскую, редакцию в соответствии с требованием «растити слова», зафиксированным в современных ему риториках. Таким образом, изначально была задана цель: трансформировать «простую народную беседу» в «украшенный текст». Наиболее ярким воплощением стиля «ращения слов» в данном памятнике стало составленное Трифоном Петровым предисловие. Характеризуемое исследователями как «риторически украшенное» (как, впрочем, и весь текст), оно нередко рассматривается в качестве важного отличительного признака (в сравнении с 1-й редакцией).<sup>25</sup> Однако имеются списки 2-й редакции, не содержащие предисловия.

Именно применительно к поздним житиям взгляд на текст как на реализацию риторической нормы позволяет путем толкования общих мест получить информацию об эстетических представлениях автора и его замысле.

Приводим текст предисловия ко 2-й редакции Жития по списку БАН, собр. Дружинина, № 31.

**ЖИТИЕ ИНОКА КОРНИЛИЯ, ИЖЕ ПОДВИЗАСЯ ДОБРЫМЪ ПОДВИГОМЪ  
И ТЕЧЕНИЕ СКОНЧА В ПУСТЫНИ ВЫГОРЕЦКОЙ В ПРЕДЕЛХ ОЛОНЦА ГРАДА**

#### ПРЕДСЛОВИЕ

л. 439 **Древо вам, благочестивии слушателие, показати хочу древо высоко, блгосенно и лиственно, древо красно, цветуще и многоплодовитое. Финик вамъ явити намерень Давыдовъ благоцветущъ, белеющъ на горахъ Аермонскихъ, привлекащъ зрящыя на видение от селъ Кидарьскихъ. Кедръ вам известити помыслихъ псалмистовъ ливанский преумноженный, присеняющий от зноя ко Иерусалиму грядущия от Вавилона. Столпъ вамъ предложити тшуся дыма кадима в пустыни Соломонове мирисающий паче всяя Аравии благоволением мужа блаженна, иже по Давиду не ходи на советъ нечестивыхъ и на пути грешныхъ не стал, но в за/коне Господни воля его и в законе его утшагося днь и ношь и бывша яко древо, саждено при исходящихъ водъ, еже плодъ свой даде во время свое, и листъ его не отпаде, и вся елика сотвори преуспевша житие исписати грубость ума моего направихъ и десницу убогую прострохъ мужа, иноческим образомъ обложена, во благочестии светло просиявша в добродетелехъ всякаго вида верхъ доспевша, законе Господнь и церковное содержание без порока все знающа и другихъ научити могуща, писания же чести и глаголати толико искусна, яко многия на подражание убеждающа**

л. 439 об.

<sup>24</sup> Подробно о текстологии памятника см.: Брешинский Д. Н. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 269—285. О языке обеих редакций см.: Маркасова Е. В. Стилистические традиции выговской литературной школы в 20—30 гг. XVIII в. (на материале Жития Корнилия Выговского): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.

<sup>25</sup> См., например: Бубнов Н. Ю. Сочинения писателей-старообрядцев XVII века: Описание рукописного отдела БАН СССР. М., 1984. Т. 7, вып. 1; Брешинский Д. Н. 1) Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции; 2) Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 127—141.

и во ученичество к себе привлекаща; беседовати же и ползовати тако силна, яко во оно время други тако можаше никто же. Все убо приходящии ползоватися надежди не погрешаху и толико благокозньнъ врачъ беаше душевный, яко многимъ на лица возревъ, струпы, ими же недугуютъ, // познаваше, и на здравие абие преложитися сотворяше доблести исчислити, и по ряду расположити произволихъ, и на светъ показанія произнести устремихся дивное предивнейшаго отца тѣхъ, но аще вею и полезно мужа праведна высокое житіе и пресовершенныя доблести писати, да негли и самъ полуюся, и чтущи и послушающии уведятъ и поревнують, но обаче не о себе на сие произыти дерзаю, но отъ ученика онаго блаженнаго мужа, в келии сожителствующа ему, в животе прияхъ вкратце простою народною беседою писанное, и зелою любовію и молениемъ онаго ученика, пространнее и благо лепотнее изложити просивша по силе моеи, паче же да истинствуя явлюся доблести точію мужа сказую, но не похвалу панигирически соплетая къ подлежащему слову приходу. Известуюся темъ же любящии добро//детелныхъ мужей доблести ведети и священныя подвиги ихъ почитати благоволите, и на сие наше грубое немотование пріяти, не чюдо словесъ нашихъ, но светлость житія, и трудовъ, и подвиговъ блаженнаго тризнице созерцати: где и откуда блаженный восия, и како подвигъ борения на дуси лукавствія пріиде, и како блаженную кончину пріять, идеже скончася и гробъ и летъ течение и прочая... И созерцавши не зазрите неискусному художасию моему, молю, но, отеческими поты умастившеся, на любовь возбудитесь, и хваляще боголюбивое священство, трудника тѣхъ на подражаніе по силе возусердствуйте и доброе отца наследіе прітяжавше, и насъ, бесчадныхъ, коленомъ касаяся, прошу, не оставите... И како в словесехъ и делехъ дивенъ показася. //

л. 440

л. 440 с

Описание главамъ житія блаженнаго Корнилія

л. 441

- Выгореци, идеже блаженный Корнилій восия и дивенъ показася
- отечестве и родителехъ и о еже во юности жителстве
- пострижении блаженнаго Корнилія во иночество
- странствовании блаженнаго Корнилія по обителимъ ползы ради
- ревности по благочестіи блаженнаго Корнилія и како первее нововводное Никономъ позна благословение
- бегстве блаженнаго Корнилія благочестія ради
- приходе ко блаженному Корнилію многихъ людей и како пріимая ползоваше ихъ

○ пророчестве блаженнаго Корнилія и о еже яко и тайнъ человеческихъ прозрѣніе имаше блаженный Корнилій //

○ преставлении блаженнаго Корнилія и о исцелении соннымъ явлениемъ блаженнаго Корнилія ученика его Пахомія прочее с Богомъ помощникомъ сотворимъ повести начало.

л. 441 о

В тексте довольно легко прочитываются цитаты: «Блажен муж, иже не ходи на советъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста, но в законѣ Господне воля его, учагагося день и ночь» (Пс. 1: 1); «бывша яко древо сажено при исходящихъ водъ, еже плодъ свой дадеи листъ его не отпаде» (Пс. 1: 3).<sup>26</sup> В соответствии с правилами риторики, все мотивы заданы ключевымъ словомъ в первомъ периодѣ: *древо* («Ключъ образомъ даетъ основу для изшествія всего заданія»<sup>27</sup>). Обусловленное авторитетностью источ-

<sup>26</sup> Цит. по: Библия. Острог, 1581.

<sup>27</sup> БАН, собр. Дружинина, № 122 (153), л. 231.

ника и спецификой средневекового сознания<sup>28</sup> использование символов *древо*, *финик*, *кедр*, *кипарис*, *маслина*, *крин* было общим местом богослужебных и житийных текстов, о чем свидетельствует высокая частотность их употребления. В различных житийных текстах встречается разный подбор символов. Так, в Житии Филофеи — только *древо*, в Житии Иоанна Рыльского — *древо* и *кедр*, в Житии Илариона Мегленского — *древо* и *маслина*, в Житии Параскевы — *древо* и *крин*.<sup>29</sup> Самой постоянной библейской цитатой с растительной символикой является цитата (Пс. 1): «Древо, саждено при исходящих вод» и ее варианты: «Сице убо... яко древо, по Давиду насажденное при исходящих вод» (Житие Филофеи);<sup>30</sup> «И бысть весь пленен в любовь Божию, яко един от Серафим горя духом к Господу Богу своему и творя плод по истинному сторицный, яко же древо насаждено при источниках водных» (Житие Иоанна Рыльского).<sup>31</sup> В пределах одного предложения упоминание *финика* и *кедра* встречается в Житии Феодосия Печерского (XII в.). Тексты более позднего периода также свидетельствуют о популярности этой цитаты (см. Житие Стефана Пермского, Житие Антония Сийского).

Однако нанизывания символов, подобного использованному Трифоновом Петровым, в текстах не встречается, как и случаев их концентрации в предисловии, призванном интерпретировать последующий текст. Формальным основанием для рассматривания семантического ряда *древо—финик—кедр—столп* в тексте предисловия к Житию Корнилия Выговского является включенность всех названных единиц в систему «фигур-плюс» (по терминологии В. И. Королькова<sup>32</sup>), организующих данный период. В нем представлены: градация, гомеоптон, исоколон, параномазия, синонимия (под этим термином подразумевалось не только наличие у слов близких значений, но и общность их синтаксических функций). Именно включенность последнего элемента (*столп*) в структуру периода позволяет представить единство всех четырех элементов. Продолжение семантически однородного ряда (*древо—финик—кедр*) «*столпом дыма кадима*» мотивировано библейским описанием мудрости Соломона («и говорил он о деревьях, от кедр, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены» — 3 Цар. 4: 33) и известным сюжетом о тысяче всеожженных на медном жертвеннике, сделанном Моисеем. Соломон просил Господа, принявшего его жертву, дать ему мудрое сердце, после чего прославил свое имя необыкновенной мудростью. «*Столп дыма кадима* в пустыни Соломонове, мирашающий паче всея Аравии» — это, вероятно, курающийся *столп дыма* всеожженных Соломона (см.: 2 Пар. 1: 3—6; 3 Цар. 2—4; 7). Праведник должен иметь разумное сердце, как Соломон. Для праведника все равны: кидары, язычники-кочевники, которых он влечет к себе, как *финик*, белеющий на горах Аермонских, и тот, кто уже идет «ко Иерусалиму от Вавилона» (т. е. любимый ученик и тот, кто пришел к вере последним, равны перед Богом).

Отметим, что эти риторические построения географически грамотны: Аермонские горы (Ермон, Хермон) — продолжение Антиливанского хребта — находятся к северо-востоку от Палестины, причем они заметны со стороны Сирийско-Аравийской пустыни, где расселялись Кидары (Кеда-

<sup>28</sup> Ср.: Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. СПб., 1907.

<sup>29</sup> Далее цит. по: Kalužnicki Em. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthimius. Wien, 1901.

<sup>30</sup> Ibid. S. 80.

<sup>31</sup> Ibid. S. 8.

<sup>32</sup> Корольков В. И. К теории фигур // Науч. труды Моск. гос. пед. ин-та иностр. языков им. М. Тореза. М., 1974. Вып. 83 С. 63—93.



ры, Кедафы) (Пс. 119: 5; Песн. 1: 4; Иез. 27: 21; Ис. 42: 11), поэтому финик и привлекает «зряция на видение от сел Кидарских» (расположенных на равнине).<sup>33</sup>

Такая логичность повествования была возможна в тексте, созданном в Выговской пустыни, известной высоким уровнем развития словесных наук. Продуманность системы образов, служащей для описания праведной жизни, очевидна.

Существует сборник «Сочинения Трифона Петрова» (БАН, собр. Дружинина, № 256 (303)), в котором около двух листов занимает цитата из сочинения Лазаря Барановича: «Двор сей Господень есть крестный, на кресте созданный от древес четырех. По описанию учителей, иже глаголют: широту быти крестную, на ней же руки пригвождени, — от древа финика; долготу, на ней же висяще все тело, — от кипариса; глубину, на ней же ноги пригвождени, — от кедра; высоту, на ней же титул бе написану, — от маслины. Яко исполнится zde реченному от Премудрости Божия чрез Сираха: „Яко кедр вознесохся в Ливане и яко кипарис на горах Аермонских, яко Финикс возвысится на примории и яко маслина благолепна на поле“. Маслиною знаменовася Христа распятого милость и помазание его на царство, не имеющее конца; фиником и кедром избразися Христова правда, побеждающая и множащаяся, яко ИС ХС праведник, яко финик процвете и яко иже в Ливане умножися».

Данная цитата, как и примеры из житийных текстов, доказывает вариативность значений ключевых слов.

В предисловии фигуры, основанные на синтаксической избыточности, сменяются «минус-фигурой» (эллипсисом):

«Древо вам... показати хошу / финик вам... явити намерен / кедр вам... известити помыслих / столп вам... предложити тшуся // мужа иноческим образом обложена, во благочестии светло просиявша, в добродетелех всякого вида верх доспевша...».

Амплификация, осмысленное и систематизированное использование цитат, читается как отправной пункт авторского повествования о жизни и житии Корнилия Выговского: праведник привлекает к себе не только благочестием и добродетелями (*древо, финик, кедр*), но и мудростью, подобной мудрости Соломона. Таким образом, первая часть предисловия, построенная как цитатная амплификация, сама нуждается в истолковании. Идея «разумного текста» была важна для выговских старообрядцев с характерным для них культом книжного знания. Риторика готовит читателя к восприятию и толкованию жития, которое выступает как интерпретация семантического ряда, заданного предисловием, и включается (благодаря использованию общих мест) в контекст агиографической традиции. Отметим, что подобные примеры предисловий, написанных как интерпретация интерпретации, были, по мнению Л. А. Софроновой, широко распространены в польской литературной традиции XVI—XVII вв. Они «были схемой содержания и значения произведений».<sup>34</sup>

Предисловие «составлено» из 3 частей: 1. риторическая, рассчитанная на грамотного слушателя, построенная как цитатная (значимая амплификация); 2. толкование 1-й части; 3. изложение содержания жития. «Описание главам» жития блаженного Корнилия соотносимо с изложением содержания в предисловии. В предисловии сталкиваются две разные авторские самооценки: «Чудо словес наших и художасие». Для грамотного

<sup>33</sup> Ср.: Ермон // Библейская энциклопедия. Репринт. изд. М., 1990. С. 242—243.

<sup>34</sup> Софронова Л. А. Польские старопечатные предисловия XVI—XVII вв. (литературные и филологические функции) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий: Русская старопечатная литература XVI—1-я четв. XVIII в. М., 1981. Кн. 1. С. 103.

читателя логика повествования была освещена в 1-й части предисловия. Ее пересказ (в разных вариантах 2-я, 3-я части, оглавление) толкует текст последующего жития и предшествующей части.

В заключение отметим: несмотря на влияние риторических описаний, предисловия так и не стали постоянным элементом текста, что было оправдано традицией. Вероятно, их обязательность в украшенном тексте не была общепризнанной.

Предисловие, несмотря на его включенность в текст и (вместе с тем) изолированное положение в тексте, воспринимается как «вступительная статья» к нему. По мнению исследователей, в польской и белорусской литературе был распространен именно такой тип предисловия.<sup>35</sup> Следует принять во внимание возможность составления предисловия после создания текста, другим автором, особенно в редакциях XVII—XVIII вв.

Как мы предполагаем, представления о «должном» и «недолжном» в предисловии могли сформироваться только в крупных центрах книжности, где были и руководства по составлению текстов, и богатые библиотеки.

Риторика как синоним «формального, незначимого, нелитературного»<sup>36</sup> в житии (по выражению Б. И. Бермана) не может быть «вынесена за скобки», когда речь идет о поздней агиографической традиции, где степень осмысленности использования риторических приемов была достаточно высока, по крайней мере применительно к текстам, созданным в Выговской поморской пустыни. Именно необходимость участия выговских книжников в богословской полемике XVII—начала XVIII в. обусловила их пристальное внимание к риторической фигуре в первую очередь, и лишь потом — к тропу. Фигурация устного выступления удерживает внимание слушателя так же, как высокая частотность тропов в письменном тексте — внимание читателя. Поэтому в предисловии к Житию Корнилия Выговского 2-й редакции тропы традиционны, сочетание фигур оригинально осмыслено.

<sup>35</sup> Софронова Л. А. Некоторые проблемы поэтики польского барокко // Советское славяноведение. 1974. № 1. С. 68—79.

<sup>36</sup> Берман Б. И. Читатель жития: Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 159: «...за скобками оставляется то, что переходит из текста в текст по заранее заданному шаблону и что поэтому приходится считать незначимым, формальным в житии, даже нелитературным».